ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. А. ЧУМИКОВА.

Со временемъ, Богъ дастъ, Русское населеніе Ревеля поставитъ памятникъ скончавшемуся 19 Марта нынѣшняго года Александру Александровичу Чумикову, и сказанное здѣсь не есть преувеличеніе, не голосъ только дружбы, соединявшей съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ пишущаго эти строки. А. А. Чумиковъ, гласный Ревельской Думы и почетный мировой судья города Ревеля, былъ поистинѣ вѣрноподданнымъ гражданиномъ, какихъ желательно имѣть поболѣе на Руси. Къ нему можно отнести Евангельское изрѣченіе „се воистину человѣкъ, въ немъ же льсти нѣсть“. Благо родины было для него личнымъ дѣломъ: онъ писалъ къ Бисмарку послѣ Берлинскаго конгресса, и будучи слишкомъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду обращался къ П. С. Ванновскому съ совѣтомъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія. Нѣсколько десятилѣтій сряду стоялъ онъ на стражѣ обще-русской государственной пользы въ инородческомъ краю. Въ Ревельской Думѣ, въ печати Русской и Нѣмецкой, въ общественныхъ собраніяхъ, въ личной бесѣдѣ неуклонно были защищаемы Чумиковымъ Русскія права отъ посягательствъ бывшихъ завоевателей и державцевъ прекрасной Эстоніи. И не въ этомъ только заслуга Чумикова передъ потомствомъ: онъ много сдѣлалъ въ такъ называемой педагогіи и въ разысканіяхъ историческихъ, состоя членомъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. Сочиненія его конечно будутъ изданы.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Чумиковъ родился въ Ревелѣ. 4 Іюля 1819 года. Его прадѣдъ, Адріанъ Матвѣевичъ, записываясь въ 1782 году въ Петербургское купечество, называетъ себя „крестьяниномъ Ревельскаго Екатеринтальскаго дворца и того города жителемъ“. Записанный въ Ревельскую городскую книгу бюргеромъ, онъ торговалъ соболями. Его сынъ Василій уже знаетъ по-англійски и ведетъ торговлю Англійскими суконами. Отецъ Александра Александровича, потомственный почетный гражданинъ († 1836), отдалъ его въ Ревельскую, нынѣ Николаевскую, гимназію, откуда онъ поступилъ въ Петербургскій Университетъ, гдѣ былъ товарищемъ князя П. П. Вяземскаго, на Восточный факультетъ. Нижеслѣдующія выдержки изъ Записокъ и бумагъ А. А. Чумикова познакомятъ читателя съ разными сторонами его неутомимой дѣятельности. За сообщеніе ихъ обязаны мы благодарностью его сыну Владимиру Александровичу, который получилъ извѣстность въ чужихъ краяхъ своими переводами на Нѣмецкій языкъ произведеній графа Л. Н. Толстаго и Чехова. П. Б.

I.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ.

Это было лѣтомъ, въ 1842 году, когда я, проживая въ Лондонѣ, нашелъ на столѣ въ квартирѣ моего сосѣда Г. визитную карточку: P. Redkine, conseiller de la cour, docteur en droit. Почтеннѣйшій Московскій профессоръ, прибывшій изъ страны чиноманіи, повидимому, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что чинъ надворнаго или придворнаго *) совѣтника, никоимъ образомъ не могъ служить въ Англіи рекомендаціей для ученаго. Впрочемъ какая-то неуравновѣшенность въ понятіяхъ и жизни была явленіемъ заурядным даже у лучшихъ людей Николаевскаго времени. Въ бытность мою за границей, я неоднократно замѣчалъ, что, вырвавшись изъ душной сферы любезнаго отечества, люди солидные, занимавшіе важные посты, подобно школьникамъ, выбѣжавшимъ изъ наполненнаго міазмами класса на свѣжій воздухъ, теряли голову и вели себя не лучше незрѣлаго юношества. Это замѣчаніе «à propos des bottes» конечно, не относится къ уважаемому Рѣдкину.

Ни въ какой странѣ, мнѣ кажется, нельзя встрѣтить столько «проблематическихъ натуръ», какъ въ Россіи. Такого рода личностію былъ несомнѣнно г. Г., къ которому Рѣдкинъ, по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, по чему-то нашелъ нужнымъ сдѣлать визитъ. Я познакомился съ Г. въ бытность мою въ Стокгольмѣ черезъ нашего посольскаго священника Раевскаго, впослѣдствіи пріобрѣтшаго себѣ извѣстность, какъ покровитель Австрійскихъ Славянъ. Г. отрекомендовался мнѣ членомъ «Московскаго Общества Естествоиспытателей», питомцемъ Московскаго Университета и отставнымъ гусарскимъ ротмистромъ. Онъ увѣрялъ меня, будто бы путешествуетъ съ ученой цѣлью и имѣетъ отъ названнаго Общества порученіе описать Норвегію въ естественноисторическомъ отношеніи. Стокгольмъ, въ которомъ Г. проживалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, повидимому долженъ былъ послужить ему приготовительной школою для изученія Норвежской флоры и фауны. Что касается этнографіи Скандинавской страны, то въ этой области естествовѣдѣнія его вниманіе преимущественно останавливалось на типахъ красивыхъ женщинъ, прислуживавшихъ въ Стокгольмскихъ ресторанахъ.

---

*) Такъ какъ слово надворный имѣетъ отношеніе не ко двору, но къ суду, то правильнѣе было бы переводить его черезъ aulique.

Мои встрѣчи съ Рѣдкинымъ въ Лондонѣ, къ сожалѣнію, прекратились очень скоро, ибо онъ спѣшилъ къ главной цѣли своего пріѣзда въ Англію—обозрѣнію университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго. Наше знакомство возобновилось и укрѣпилось осенью того же 1841 г., уже въ Парижѣ, гдѣ я, хорошо знакомый съ этимъ городомъ, имѣлъ возможность оказать ему и его товарищу профессору, политической экономіи въ Петербургскомъ университетѣ Порошину, кое-какія услуги.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Увлеченный лекціями педагогики извѣстнаго психолога Бенекэ въ Берлинскомъ университетѣ, я рѣшился посвятить себя педагогической дѣятельности и опредѣлился на службу, въ Петербургѣ, въ Николаевскій Сиротскій институтъ на должность помощника инспектора классовъ [1]). Тутъ я вновь сошелся съ Рѣдкинымъ и поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія до конца его жизни. Рѣдкинъ былъ уже женатъ [2]) и отцомъ семейства. Переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, первоначально поступилъ онъ въ должность секретаря при министрѣ Перовскомъ, а затѣмъ члена департамента удѣловъ. Въ началѣ 50 г. оба мы жили на Б. Конюшенной, и онъ каждое утро, совершая прогулку послѣ своей холодной души, не смотря ни на какую погоду, заходилъ ко мнѣ на нѣсколько минутъ. Тогда только я узналъ о причинахъ заставившихъ его, лишь съ крайнимъ сожалѣніемъ, оставить Москву и Московскій университетъ [3]). Приглашеніемъ министра Перовскаго занять при немъ должность личнаго секретаря, по словамъ Рѣдкина, обязанъ онъ былъ извѣстному В. Далю. Эта должность была въ то время весьма вліятельная: директоры департаментовъ, всѣ прибывавшіе въ столицу губернаторы нуждались въ расположеніи секретаря; въ настоящее же время, разсказывалъ Рѣдкинъ не безъ горечи, всѣ эти администраторы, встрѣчаясь со мной, уже не признаютъ во мнѣ стараго знакомаго. Исключеніемъ служилъ Н. А. Милютинъ. Я встрѣчалъ его довольно часто въ домѣ Рѣдкина, но для меня всегда оставалось загадкой, что̀ именно связывало этихъ лицъ совершенно различнаго темперамента и отчасти

---

[1]) До меня (до 1843 г.) не существовало этой должности въ заведеніи съ 22 классами (вмѣстѣ съ параллельными), съ огромнымъ числомъ преподавателей (до 40), и всѣ многосложныя обязанности по надзору за учебной частью лежали исключительно на плечахъ одного инспектора Ободовскаго. Въ этомъ же году къ Николаевскому Сиротскому институту присоединенъ былъ Александровскій Сиротскій домъ, дотолѣ находившійся на Петербургской Сторонѣ въ зданіи, взятомъ подъ Лицей.

[2]) Супруга Рѣдкина была дочь г-на Гарвѣ, который преподавалъ Англійскій языкъ въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

[3]) Некрасивая исторія, героемъ которой былъ проф. Крыловъ, заставила, въ одно время съ Рѣдкинымъ, также Кавелина и Чивилева оставить профессуру.

убѣжденій—старое ли знакомство, проявлявшееся болѣе въ церемонныхъ, чѣмъ сердечныхъ формахъ, или близкое участіе Милютина въ судьбѣ дѣвочки, 5 лѣтней Француженки, которую Рѣдкинъ взялъ къ себѣ на воспитаніе, желая, какъ я полагаю, найти для своей дочери подругу въ играхъ.

Не могу опредѣлительно указать на періодъ въ жизни Рѣдкина, когда его стали особенно интересовать вопросы педагогики. Можно предположить, что это произошло въ ту пору его профессорской дѣятельности *), когда онъ принялъ на себя обязанности инспектора классовъ въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ и сталъ издавать «Библіотеку Воспитанія». Но во время нашего сближенія онъ нашелъ во мнѣ отзывчиваго адепта, и любимымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ были проблемы педагогики и особенно примѣненіе этой науки къ семейному воспитанію. Посвятивъ себя всецѣло развитію способностей своей въ то время единственной дочери, онъ прилежно слѣдилъ за всѣмъ, что только появлялось въ западной литературѣ по части педагогики. Все въ его квартирѣ, начиная съ передней комнаты, гдѣ находилась горка, свидѣтельствовало о жилищѣ педагога: гимнастическіе снаряды, разбросанныя по ковру, въ лучшей комнатѣ квартиры, Фребелевскія и другія игры, разнородныя колекціи для развитія наглядности, вся эта обстановка убѣждала, что на первомъ планѣ у хозяина, главной его заботою-физическое и умственное воспитаніе дѣтей.

Сравнительно хорошо обезпеченный службою, Рѣдкинъ, въ то время, уже болѣе не думалъ о профессорской дѣятельности, объ юридической каѳедрѣ; но въ бесѣдахъ со мной онъ неоднократно высказывалъ, что не отказался бы отъ каѳедры педагогики въ Петербургскомъ университетѣ. Въ описываемое время такой каѳедры не существовало ни въ одномъ Русскомъ университетѣ. Впослѣдствіи, когда я началъ издавать «Журналъ для Воспитанія», прибѣгая при столкновеніяхъ съ цензурой, нерѣдко къ помощи попечителя учебнаго округа И. Д. Делянова и бесѣдуя съ нимъ о разныхъ педагогическихъ вопросахъ, я при такихъ случаяхъ не разъ намекалъ ему о необходимости учредить въ Университетѣ каѳедру педагогики. Но вѣроятно не надѣясь на сочувствіе къ такой новизнѣ со стороны министерства, Деляновъ постоянно отговаривался тѣмъ, что трудно у насъ найти профессора для этого предмета. Тогда я указалъ ему на Рѣдкина, но получилъ въ отвѣтъ: конечно, лучшаго нельзя было бы и желать; но Рѣдкинъ наврядъ ли согласится промѣнять свое хорошо обставленное въ матеріальномъ отношеніи мѣсто въ удѣльномъ вѣдомствѣ на

*) Рѣдкинъ сдѣлался профессоромъ въ Московскомъ университетѣ въ 1836 году.

менѣе выгодное профессорское. Впослѣдствіи оказалось, что моя мысль, привлечь Рѣдкина снова къ профессорской дѣятельности, упала не на безплодную почву; ибо, какъ извѣстно, онъ былъ приглашенъ занять въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедру энциклопедіи права, его прежней спеціальности, при чемъ ему, какъ первоначально полагалъ Деляновъ, не поставлено было условіемъ оставить должность въ удѣльномъ департаментѣ.

Въ 1854 г., не будучи въ состояніи далѣе выносить своевольное и безтолковое вторженіе въ учебную область новой начальницы Спб. Николаевскаго Сиротскаго института, я рѣшился оставить заведеніе, въ которомъ прослужилъ счастливѣйшія 12 лѣтъ моей жизни и, подъ руководствомъ опытнаго педагога А. Ободовскаго, ученика Песталоци, прошелъ превосходную практическую школу науки воспитанія. Сбитый съ обычной колеи, не имѣя полезныхъ связей и покровителей въ столицѣ, гдѣ подъ вліяніемъ грустныхъ извѣстій изъ Севастополя и неожиданной смерти императора Николая, все находилось въ какомъ-то возбужденномъ и ненормальномъ состояніи духа, въ ожиданіи лучшихъ вѣяній новаго царствованія захотѣлъ я, по выраженію И. Аксакова, «дохнуть опасностью» и, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ моихъ университетскихъ товарищей, облачился въ кафтанъ ополченца. Такъ во время Николаевскаго режима, при неограниченномъ начальническомъ произволѣ, нерѣдко коверкалась вся жизнь человѣка безъ связей и протекціи!...

Отъ какихъ недостаточно-компетентныхъ начальственныхъ лицъ зависитъ иногда у насъ замѣщеніе должностей по учебной части, могутъ служить слѣдующіе примѣры. Узнавъ случайно, что пріѣхавшій въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири ищетъ инспектора классовъ для Иркутскаго дѣвичьяго института, я явился къ нему съ предложеніемъ моихъ услугъ. Но академически образованный генералъ нашелъ, что моя 12-ти лѣтняя дѣятельность по части инспекторской, лишь въ должности помощника инспектора классовъ, не представляла достаточнаго ручательства въ моей опытности и что онъ желалъ бы пріобрѣсти для института личность пользующуюся авторитетностію и бо̀льшею извѣстностью. Уважаемый Амурскій дѣятель повидимому воображалъ себѣ, что кто-либо изъ инспекторовъ I-го разряда столичныхъ институтовъ, или какой-либо университетскій профессоръ, прельстится видомъ на службу въ Сибири подъ его или вѣрнѣе сказать его супруги (Француженки) начальствомъ, въ должности съ мизернымъ окладомъ (800 или 1000 рубл.) жалованья. Припоминается мнѣ еще такая выходка одной высокопоставленной личности. Однажды

графу В., стоявшему во главѣ одного женскаго учебнаго заведенія, на выпускномъ экзаменѣ этого заведенія, пришла въ голову эксцентрическая мысль предложить преподавателю ариѳметики экзаменовать институтку и заставить ее рѣшать задачу на *Французскомъ* языкѣ. Положимъ, что воспитанницы этого института, будущія наставницы юношества, довольно хорошо владѣли иностранными языками; но трудно предполагать, чтобы кто либо изъ родителей могъ потребовать отъ Русской гувернантки, чтобы она обучала ариѳметикѣ на Французскомъ языкѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что самому лицу, выставившему такое ни съ чѣмъ несообразное требованіе, не были знакомы встрѣчавшіеся при рѣшеніи задачъ математическіе термины, не смотря на то, что оно владѣлъ Французскимъ языкомъ лучше чѣмъ Русскимъ.

Но судьбѣ угодно было иначе распорядиться моей персоною. Нашимъ дружинамъ Новгородскаго ополченія, на пути въ Севастополь, приказано было остановиться въ Москвѣ и, въ ожиданіи мира, нести тамъ обязанности гарнизонной службы.

Я полагалъ необходимымъ сообщить эти біографическія свѣдѣнія о своей особѣ, ибо ими отчасти объясняется какъ сближеніе мое съ Рѣдкинымъ, такъ и послѣдовавшая за нимъ наша общая дѣятельность на полѣ педагогики. Въ періодъ моего пребыванія въ Бѣлокаменной возникли первыя мои письменныя сношенія съ Рѣдкинымъ. Въ видахъ выясненія нашихъ взаимныхъ отношеній считаю полезнымъ привести здѣсь наиболѣе любопытныя изъ его писемъ.

С.-Петербургъ, 28 Октября 1855.

Положенію вашему я сочувствую, потому что я самъ былъ въ подобномъ, когда рѣшился оставить Московскій университетъ, а между тѣмъ не имѣлъ въ будущемъ ничего, что могло бы хоть сколько нибудь замѣнить его. Но какъ впослѣдствіи все устроилось къ лучшему со мною, такъ, надѣюсь, будетъ и съ вами. Однакоже для этого нужна, во-первыхъ вѣра, а во-вторыхъ—дѣятельность. Если вы только захотите, то въ послѣдней не будетъ у васъ недостатка; остается только вамъ разогрѣть въ себѣ чувство вѣры въ такой степени, чтобы, не превращаясь ни въ безчувственную деревяшку, ни въ холоднаго эгоиста, смотрѣть на все съ высоты Гегелева Олимпа и идти своимъ путемъ, не развлекаясь людскими толками и посторонними предметами. Да, тогда сдѣлаетесь, пожалуй, спеціалистомъ, или же плавайте въ безграничномъ океанѣ науки вообще. Въ томъ и другомъ случаѣ, вы будете полсутокъ жить жизнью сладкою, оставивъ полсутки другіе на сонъ—подчасъ и тяжелый. Такъ я именно теперь живу, находя

счастіе не тамъ, гдѣ оно не можетъ и быть, не внѣ себя, а внутри, относя притомъ и семейную жизнь къ внутренней жизни. Скажутъ, пожалуй, людскіе толки: а гдѣ же твоя публичная дѣятельность? На подобный вопросъ я отвѣчаю не людямъ, а самому себѣ: я пересталъ давно себя обманывать и потому не гонюсь за призраками, мечтами, небылицами; толочь воду я не хочу, допуская это настолько, чтобы пріобрѣтать средства для внутренней моей жизни, какъ единственно возможной. Такъ или не такъ думаете вы, почтенный другъ?

Посѣтивши лекціи [1]), передайте мнѣ ваши впечатлѣнія. Вѣдь это былъ нѣкогда мой университетъ, за который я готовъ былъ отдать все, и самого себя. Правда, изъ него вышли (его оставили) всѣ люди, бывшіе близкими мнѣ по чувствамъ и стремленіямъ; теперь онъ мнѣ представляется какъ легкій, усладительный сонъ, улетѣвшій вмѣстѣ съ моею юностью. Покойтесь, друзья мои, живые и мертвые, бывшіе въ немъ дѣятелями истины, правды, какъ успокоился и я, выброшенный на берегъ съ вѣчно-зеленѣющими садами, но не цвѣтущими и безплодными.... Всѣ мои вамъ дружески жмутъ руку.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1855.

.... Содержаніе вашего письма, по крайней мѣрѣ главное, обвинительное. Считаю неудобнымъ оправдываться по почтѣ. Ни вы, ни онъ не знаете моей біографіи [2]), безъ знанія которой не осуждаютъ теперь и преступниковъ тамъ, гдѣ уголовное судопроизводство начинаетъ развиваться паралельно съ психологіей. И здѣсь нужна таже вѣра, о которой я вамъ писалъ и которая служитъ, между прочимъ, необходимымъ основаніемъ истиннаго дружества. Прибавлю, что гордиться мнѣ нечѣмъ, если бы и пришла мнѣ на умъ такая пошлость, и что я никого изъ моихъ слушателей не отталкивалъ по той простой причинѣ, что никто изъ нихъ ко мнѣ не являлся, какъ *слушатель*, а только развѣ (да и то очень немногіе) являлись, какъ *искатели мѣстъ*, которыхъ я не раздаю.

Любопытствуете же вы *теперь* знать, каково мое положеніе. Я вамъ скажу въ двухъ словахъ: положеніе человѣка, выведеннаго насильно изъ его колеи и ищущаго другой, на которой бы не только могло быть удовлетворено эгоистическое, какъ вы называете, стремленіе къ спокойному наслажденію наукою, но и достигаема цѣль вся-

[1]) Я писалъ Рѣдкину, что въ свободное время намѣренъ посѣщать университетскія лекціи болѣе или менѣе извѣстныхъ Московскихъ профессоровъ.

[2]) Петръ Гр. Рѣдкинъ (род. 4 Октября 1808), сынъ Суворовскаго офицера, городничаго въ Ромнахъ (Полтавск. губ.) и воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, помѣстилъ свою ученую автобіографію въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета". П. Б.

каго человѣка, не тяготящаго собою напрасно землю, быть полезнымъ, по мѣрѣ силъ и способностей, тому болѣе или менѣе обширному или тѣсному кругу, въ которомъ предназначено ему дѣйствовать. Такимъ образомъ я все еще остаюсь попрежнему профессоромъ, хотя предметъ моихъ лекцій уже не энциклопедія права [1]), а педагогика; педагогика же потому, что я къ ней всегда чувствовалъ особенную склонность, и потому, что отъ нея преимущественно я жду спасенія нашей будущности. Конечно, новый предметъ не достается вдругъ, и потому я только начинающій на этомъ поприщѣ [2]); но начало всего труднѣе. Это половина труда, что̀ уже испытываю. Но довольно объ этомъ чувствительномъ для меня предметѣ....

С.-Петербургъ, 2 Декабря 1855.

.... Ваше письмо меня очень, очень тронуло; но ради этой самой нѣжной дружбы, прошу васъ не писать мнѣ впередъ ничего такого, что̀ не могъ бы прочесть цѣлый свѣтъ; ради этой дружбы, имѣйте ко мнѣ довѣренность и потому убѣдитесь, что я имѣю на то достаточныя причины.

С.-Петербургъ, 28 Января 1856.

.... Да и что писать? Жизнь моя идетъ совершенно однообразно, въ чемъ, впрочемъ, я всегда нахожу истинное удовольствіе. Прибавьте къ этому окружающее меня тихое семейное счастіе и окружающія меня книги, выбранныя по моему вкусу и по моимъ потребностямъ... и вы поймете всю прелесть моего положенія.

Между нами будетъ сказано, что я началъ писать для Русскаго Вѣстника, на первый разъ, обозрѣніе новѣйшей иностранной педагогической литературы. Если по окончаніи я имъ буду сколько нибудь доволенъ, что̀ очень не легко, то напечатаю хоть подъ псевдонимомъ.

Петербуржцы вообще очень недовольны первыми двумя книжками новаго Московскаго журнала, находя, что онѣ не удовлетворяютъ ничьей потребности и нисколько не носятъ свѣжаго отпечатка живой современности. Какъ судятъ у васъ въ Москвѣ?...

14 Февраля 1856 г. С.-Петербургъ.

...Петербургская публика продолжаетъ выражаться о Русскомъ Вѣстникѣ, какъ о журналѣ мертвомъ. Между нами говоря, дѣйстви-

---

[1]) Которую П. Г. Рѣдкинъ читалъ въ Московскимъ Университетѣ. П. Б.

[2]) Странное признаніе изъ устъ бывшаго инспектора классовъ и издателя „Библіотеки для воспитанія“. Но въ былое время у насъ всякій болѣе или менѣе извѣстный профессоръ считался eo ipso прекраснымъ педагогомъ.

тельно въ немъ пока мало живого. Что̀ Московская публика его безусловно хвалитъ, то это и не могло быть иначе: Москва вся расположена лучами около Университета, какъ своего центра, а Университетъ, т. е. все лучшее въ немъ, его издатель и сотрудникъ. Въ этотъ кружокъ, основанный, какъ всѣ Московскіе кружки, на началахъ системы самохваленія, не дерзаетъ пробиться самостоятельный голосъ холоднаго, безпристрастнаго критика, который бы, напр., сказалъ Вѣстнику, что вѣсти его большою частью старыя, или извѣстныя, или не животрепещущія, или выражены поучительнымъ тономъ школьнаго учителя, или, или... но довольно. Теперь мало ли нашлось такого, что̀ происходитъ не на Океаніи, не при Карлѣ V, не во время войны за наслѣдство Испанскаго престола? А что̀ вынесемъ мы изъ статей о Пушкинѣ, о древней Руси? Что̀ за мысль въ Старушкѣ и т. п.? А лѣтопись куда какъ безсвязна! Нѣтъ, я слишкомъ уважаю идею Русскаго Вѣстника, чтобы теперь уже довольствоваться ея выполненіемъ; я жду, имѣю право ждать несравненно бо̀льшаго, лучшаго и твердо надѣюсь, что не обманусь въ своихъ надеждахъ. Можетъ быть, я слишкомъ строгъ въ моихъ сужденіяхъ, но строгъ не какъ чужой, холодный, равнодушный человѣкъ, а какъ отецъ, не желавшій бы видѣть на своемъ сынѣ ни однаго пятнышка, какъ истинный патріотъ, скорбящій о малѣйшемъ недостаткѣ своей родины *).

Мое обозрѣніе новѣйшей иностранной педагогической литературы подвигается медленно. Не пугайтесь названія; хотя оно и не популярное, но и не школьное, какое вы предполагаете. А Русскій Вѣстникъ... хочетъ учить Русскую публику съ высоты каѳедры и изнутри кабинета.

10 Апрѣля.

...И вашъ Русскій Вѣстникъ не оживаетъ: все также безцвѣтенъ, также мертвъ. Нѣтъ, видно, не возставать ему, а умереть въ первый же годъ своей жизни. А жаль, душевно жаль! Могъ бы быть корифеемъ всѣхъ Русскихъ періодическихъ изданій. Напротивъ, посмотрите на Современникъ. Что̀ за живыя, занимательныя для всѣхъ статьи!... Хотите знать мой вкусъ по отношенію къ романамъ: прочитайте «Невѣстку» въ Русскомъ Вѣстникѣ.

...Будущность ваша совершенно въ вашихъ рукахъ... что же касается до недовольства самимъ собою, то съ этимъ я васъ искренне поздравляю, потому что самодовольство не есть добродѣтель порядочнаго человѣка.

---

*) Русскій Вѣстникъ былъ первый журналъ, разрѣшенный правительствомъ послѣ закрытаго (1836) Телескопа. Отечественныя Записки считались продолженіемъ Свиньинскихъ, а Современникъ—Пушкинскаго. П. Б.

С.-Петербургъ, 2 Марта 1856 г.

...О Русскомъ Вѣстникѣ всѣ единогласно вкореняются въ той мысли, что онъ палъ, не успѣвши встать порядочно на ноги; и если здѣшніе литераторы напишутъ что-либо для него, то только, чтобы выполнить свое обѣщаніе, а потому громко объявляютъ, что начнутъ что-нибудь писать развѣ съ осени. И я прервалъ статью или, лучше сказать, рядъ педагогическихъ статей, которыми думалъ пожертвовать для Русскаго Вѣстника, въ ожиданіи, будетъ ли стоить этотъ журналъ того, чтобы трудиться для него добросовѣстно, въ чемъ я почти уже потерялъ надежду. Приводимые вами факты противъ педагогическихъ статей моихъ не поколебали меня. Дѣло не въ заглавіи, а въ сущности и въ формѣ изложенія. Сущность должна остаться научною, а форма должна быть живая, рѣзкая, трепещущая современными интересами. Вотъ, какъ вы возвратитесь, я вамъ прочту кое-что изъ этихъ статей, и надѣюсь, что вы согласитесь со мной, что ихъ бы хотя и начали читать съ неохотою, но будучи задѣты за живое, продолжали бы съ невольнымъ увлеченіемъ, не потому, что я въ состояніи написать увлекательно, но потому только, что высмотрѣлъ живыя стороны предмета.

10 Марта 1856 г.

Вы говорите о Рулье, что онъ обладаетъ способностью не забывать ничего изъ прочитаннаго, и потому удивляетесь, почему не приписалъ я ему большаго количества познаній. Но дѣло въ томъ, что онъ теперь читаетъ мало дѣльнаго, и слѣдовательно помнить-то ему нечего новаго, а остается варіировать старыя темы. Г. Соловьевъ только труженикъ; я его коротко знаю и зналъ всю исторію его развитія. Онъ не имѣетъ въ головѣ ни одной живой мысли. Онъ много читалъ и изучалъ источниковъ. Совсѣмъ противоположное Рулье, весь составленный изъ таланта, дающаго ему возможность давать множество новыхъ формъ немногому количеству своихъ познаній*). Крыловъ даровитый профессоръ, но и онъ давно остановился на точкѣ замерзанія и уже болѣе никогда не отогрѣется. Не имѣю понятія о лекціяхъ Капустина и Леонтьева. Желалъ бы слышать отъ васъ подробное сужденіе.

---

*) Профессоръ Зоологіи К. Ф. Рулье читалъ лекціи такъ увлекательно, что мы отъ нѣкоторыхъ скучныхъ профессоровъ нашего словеснаго факультета уходили къ нему послушать о лягушкахъ, пчелахъ и т. п. П. Б.

С.-Петербургъ, 25 Мая 1856 г.

Первое письмо ваше, любезный А. А., послѣ отъѣзда вашего изъ Питера я имѣлъ удовольствіе получить.

Прежде всего скажу вамъ нѣсколько словъ о запискѣ вашей о воспитаніи *).

Продолжайте, но исключите мѣста, касающіяся до личностей, которыя ни къ чему ровно не послужатъ, кромѣ къ раздраженію тѣхъ, которымъ, конечно, будетъ передана ваша записка для обсужденія .... Когда вы домицилируетесь въ Москвѣ, то поговоримъ о педагогическомъ журналѣ, въ которомъ я надѣюсь принять не одно только духовное содѣйствіе. Всѣ мы васъ цѣлуемъ, а я прошу часто писать къ преданному вамъ П. Рѣдкину.

С.-Петербургъ, 5 Іюня 1856 г.

Теперь о педагогическомъ журналѣ, возраженіе на возраженіе, или правильнѣе поясненіе на поясненіе.

1. Помѣщать въ журналахъ съ самаго начала, а не впослѣдствіи, статьи и для дѣтскаго чтенія необходимо по той уже практической причинѣ, что программа должна быть утверждена разъ навсегда правительствомъ, которое затруднится перемѣнить ее. Затѣмъ, семейство безъ дѣтей не существуетъ, и Семейная Библіотека не оправдаетъ своего названія. Наконецъ, *дѣти* въ нашемъ журналѣ *цѣль*, а все остальное—средства. Но, пожалуй дѣлите каждый нумеръ на двѣ половины. Первую половину назовите тогда: для дѣтей, а вторую—не придумаю, да и нельзя придумать, и не надо придумывать; родители прямо увидятъ, что̀ касается *только* до нихъ, и что̀ до дѣтей, и что̀ и до нихъ и дѣтей вмѣстѣ. Чрезъ помѣщеніе статей для чтенія дѣтей задача сдѣлается не сложною, а останется простою; потому что, повторяю, дѣти суть для насъ первые члены семейства, а мы издаемъ *семейную* библіотеку. Если же подъ сложною задачею вы разумѣете *трудную для выполненія*, то и это не такъ; потому что гораздо труднѣе написать статью для родителей, чѣмъ для дѣтей, выбрать лучшее изъ существующаго на иностранныхъ языкахъ съ необходимою только передѣлкою или и безъ передѣлки (какъ будутъ всѣ статьи хрестоматій нашихъ). Наконецъ, нашъ журналъ долженъ замѣнить дѣтямъ множество большею частію негодныхъ дѣтскихъ книгъ, на которыя у насъ несравненно больше *постояннаго* запроса, чѣмъ на другія книги. Ли-

*) Записка о недостаткахъ воспитанія въ женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Записка эта, при посредствѣ Рѣдкина и черезъ графиню Толстую, была представлена императрицѣ Маріи Александровнѣ. Можетъ быть, она отчасти ускорила учрежденіе женскихъ гимназій. Сравнить мою статью къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи. (Русская Старина 1888 г.).

шать себя возможности удовлетворять этому запросу и слѣдовательно потребности значитъ не умѣть соблюдать ни своихъ, ни чужихъ выгодъ матеріальныхъ и духовныхъ.

2. Ежемѣсячное изданіе имѣетъ и свои выгоды, о которыхъ вы сказали, и свои невыгоды, о которыхъ я намекну, если припомню ту лихорадочную поспѣшность, съ которою должны быть издаваемы ежемѣсячные журналы и которая часто впадаетъ въ опрометчивость; а малѣйшая опрометчивость въ нашемъ дѣлѣ есть зло такое, гибельныхъ послѣдствій котораго и исчислить нельзя [1]). Согласимся на среднее: изданіе выпусками, въ неопредѣленное время, но съ опредѣленнымъ числомъ листовъ въ годъ; послѣднее нужно для предварительныхъ подписчиковъ, какъ обезпеченіе...

С.-Петербургъ, 10 Августа 1856.

... Въ проектѣ вашемъ о воспитаніи я думалъ и думаю воздержаться отъ личностей, а нападать на самое дѣло. И до сихъ поръ я остаюсь при томъ мнѣніи, что одно отъ другого отдѣлить и можно, и должно для успѣха въ дѣлѣ [2]).

Я кидался во всѣ мнѣ извѣстныя стороны, чтобы разузнать что-нибудь о женскихъ гимназіяхъ, и не узналъ ровно ничего. Я имѣю причины думать, что это pium desiderium или по крайней мѣрѣ осуществится не такъ скоро, какъ сначала предполагали.

Вотъ что хорошо вы вздумали, такъ хорошо. Противъ этого сказать нечего: вы думаете обратиться для отысканія себѣ мѣста къ кн. Щербатову [3]), здѣшнему попечителю. Прекрасно и еще разъ прекрасно. Онъ, я знаю навѣрное, ищетъ людей способныхъ и нуждается въ нихъ при задуманныхъ имъ коренныхъ преобразованіяхъ здѣшняго учебнаго округа. Отъ него можно ждать новаго графа Строганова; съ нимъ или у него служить (а по его понятіямъ это все равно) не можетъ не приносить удовольствія человѣку, ищущему пользы юношеству.

---

[1]) Условіе „лихорадочной дѣятельности" не можетъ относиться къ тѣмъ спеціальнымъ періодическимъ изданіямъ, которыя имѣютъ исключительной задачею знакомить читателей не только съ современными вопросами, но и съ выдающимися сочиненіями всѣхъ временъ. Поэтому редакція, хорошо знакомая съ литературою своего предмета, никогда не можетъ затрудняться въ выборѣ подходящаго для журнала матеріала.

[2]) Здѣсь Рѣдкинъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ обличительный отдѣлъ моей программы, въ которомъ я намѣренъ былъ раскрывать недостатки нашихъ учебныхъ заведеній и ошибки лицъ, завѣдующихъ ими. Я находилъ этотъ отдѣлъ необходимымъ и полезнымъ также въ видахъ привлеченія корреспонденцій изъ всѣхъ краевъ нашего отечества, сообщеній о пользахъ и нуждахъ училищъ и встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленіяхъ. Затѣмъ, въ эпоху преобладанія обличительной литературы, нельзя было обойтись безъ подобнаго отдѣла.

[3]) Князю Григорію Алексѣевичу. П. Б.

Такъ какъ и Москва уже успѣла показаться вамъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ и надоѣсть вамъ, то вотъ еще основаніе возвратиться вамъ на службу въ Петербургъ...

II.

Изданіе педагогическаго журнала.

Письменныя сношенія мои съ Рѣдкинымъ прервались осенью 1856 г. съ моимъ переселеніемъ изъ Москвы въ Петербургъ. Поощряемый имъ, одушевленный его ревностію къ педагогическому дѣлу, я, наконецъ, рѣшился приступить къ осуществленію моей давнишней завѣтной мысли, изданію педагогическаго журнала. Не могу сказать, чтобы эта мысль возникла во мнѣ недумано-негадано. Еще въ началѣ 1850 г., когда я служилъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ институтѣ, Гурьевъ, инспекторъ классовъ Гатчинскаго Спротскаго института, приглашалъ А. Ободовскаго возобновить прекратившійся «Педагогическій Журналъ», который они оба, въ товариществѣ съ Гурьевымъ, издавали въ 1830 и 1831 годахъ. Но Ободовскій, обремененный служебными занятіями въ двухъ институтахъ, профессурою *) и составленіемъ своего учебника Географіи, уклонился и указалъ на меня, болѣе молодую силу. Я былъ готовъ вступить на журнальное поприще, но дѣло разстроилось; ибо Гурьеву, по всему видно, желательно было заручиться авторитетнымъ именемъ Ободовскаго, моя же личность была для него совершенно неизвѣстная величина. Замѣтка въ Историческо-статистическомъ обозрѣніи учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа, Воронова (стр. 109) о мнѣ, какъ о лицѣ преимущественно занимающемся педагогикой, конечно не могла обратить вниманіе на мою персону. Еще менѣе могли быть извѣстны публикѣ два учебныхъ руководства, составленныя мною исключительно для воспитанницъ Сиротскаго института и не пущенныя въ продажу. Какъ извѣстно, Гурьевъ съ 1858 года принялъ на себя изданіе Педагогическаго Вѣстника, основаннаго Вышнеградскимъ.

Затѣмъ, года четыре спустя, начальница Николаевскаго Спротскаго Института, Дараганъ, задумавъ изданіе журнала для дѣтскаго чтенія, предложила мнѣ быть его редакторомъ. Уже была мною приготовлена для печати первая книжка, когда со стороны императрицы Александры Ѳеодоровны, находившей весьма основательно, что издательство

*) Въ Николаевскомъ Сиротскомъ и Елисаветинскомъ. Въ Глав. Педагог. институтѣ занималъ онъ каѳедру статистики, впослѣдствіи педагогики, былъ членомъ Учебнаго Комитета IV Отдѣленія Собств. Е. И. В-ва Канцеляріи. Сверхъ того почетный опекунъ Ланской (позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ) поручалъ нерѣдко Ободовскому составленіе какихъ-то проектовъ.

журнала отвлечетъ начальницу отъ ея прямыхъ обязанностей, послѣдовало veto, не позволившее осуществиться предпріятію г-жи Дараганъ. Очевидно, что послѣ этихъ неудавшихся попытокъ выступленіе на журнальную арену съ спеціальнымъ изданіемъ было дѣло рискованное. Положимъ, что на зарѣ новаго царствованія вопросы воспитанія, поднятые Пироговымъ и Бемомъ въ Морскомъ Сборникѣ, начали обращать на себя вниманіе и сильно интересовать начальство и наставниковъ учебныхъ заведеній; но этотъ офиціальный журналъ пользовался властнымъ и просвѣщеннымъ покровительствомъ В. К. Константина Николаевича, сочувствовавшаго задуманнымъ реформамъ его державнаго брата. Позволено было усумниться въ томъ, какъ отнесется цензура къ тому, когда въ частномъ изданіи появятся статьи въ родѣ «Вопросы жизни» или «Школа и Жизнь» Пирогова, гдѣ было бы возможно открыто и прямо указывать на нераціональность основъ и системъ, на которыхъ зиждилось общественное воспитаніе, унаслѣдованное отъ дореформеннаго царствованія *). Но любовь къ предмету, поощренія Рѣдкина, обѣщавшаго содѣйствіе свое и своего бывшаго ученика Ушинскаго, положили конецъ моему колебанію, и я рѣшился приступить къ дѣлу.

Необходимо было заручиться сотрудничествомъ другихъ, кромѣ названныхъ лицъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать, чтобы они участвовали во всѣхъ отдѣлахъ журнала. Положимъ, что Рѣдкину, знавшему Пирогова по Дерптскому профессорскому институту, можетъ быть и удалось бы получить обѣщаніе этой знаменитости украсить нашъ журналъ его именемъ; но тогда оба мы упустили изъ виду это обстоятельство, да и вообще не намѣрены были заманивать въ нашу лавочку длиннымъ спискомъ сотрудниковъ. Впрочемъ на постоянное сотрудничество Пирогова, который, вскорѣ послѣ появленія въ Морскомъ Сборникѣ его извѣстныхъ статей, былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа, сперва Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго и занялся своими новыми обязанностями и изданіемъ извѣстныхъ интересныхъ циркуляровъ, едва ли можно было разсчитывать. Гдѣ же было искать сотрудниковъ-педагоговъ, когда самая педагогика находилась не въ «авантажѣ»?

Во время моего инспекторства въ Николаевскомъ Сиротскомъ институтѣ, приходилось мнѣ имѣть дѣло не съ однимъ десяткомъ учительскаго персонала, и долженъ признаться, что среди него не находилъ я ни одного, кто бы особенно интересовался педагогическими вопросами. Большая часть этихъ господъ была, что̀ называется Нѣмцами,

*) Насколько оправдались мои сомнѣнія, описано въ моей статьѣ „Цензурныя мытарства“ (Русская Старина 1889 г. кн. 9 и 12).

Stundengeber, даватели уроковъ, къ которымъ они даже не всегда приготовлялись, лица, нетерпѣливо ожидавшія звонка, чтобы, окончивъ свой часъ въ одномъ учебномъ заведеніи, летѣть въ другое. Былъ однажды такой курьезный случай: кто-то изъ преподавателей обязывался давать свой урокъ въ одинъ и тотъ же день и часъ въ двухъ различныхъ заведеніяхъ, разумѣется манкируя по очереди въ одномъ или въ другомъ, пока этотъ безсовѣстный фокусъ въ одинъ непрекрасный для него день не былъ обнаруженъ начальствомъ. При моемъ поступленіи въ Сиротскій институтъ (1843 г.) нашелъ я среди 20 преподавателей не болѣе трехъ съ университетскимъ образованіемъ. Между ними встрѣтилъ я такого курьезнаго преподавателя Русскаго языка, который, извѣщая инспектора о своемъ нездоровьи, въ пяти строкахъ своего письма обнаружилъ незнаніе простыхъ правилъ грамматики. Но и между университетскими нашелся одинъ любопытный экземпляръ. Явился ко мнѣ однажды кандидатъ С.-Петербургскаго университета нѣкто У., желавшій занять вакантное мѣсто преподавателя естествовѣдѣнія, и первымъ его вопросомъ было: въ какомъ классѣ состоитъ должность преподавателя; ежели ниже 9-го класса, то онъ не желаетъ ее занять. До педагогики ли было такому господину, у коего на первомъ планѣ стоялъ чинъ? Въ какомъ, можно сказать, небреженіи находилась у насъ наука воспитанія даже въ концѣ 50 годовъ, видно также изъ слѣдующаго случая. Когда я одному молодому преподавателю Гимназіи, впослѣдствіе директору Учительской Семинаріи, участвовавшему въ моемъ журналѣ, предложилъ сдѣлаться членомъ тогда зарождавшагося Педагогическаго Общества, то получилъ отъ него отказъ ничѣмъ не мотивированный. Другая личность, опытный и выдающійся по своей спеціальности преподаватель, вступивъ въ Педагогическое Общество, наивно признался мнѣ, что онъ никогда не могъ предполагать того, чтобы наука педагогики касалась такихъ интересныхъ и животрепещущихъ задачъ. Признаюсь, что за все время моей педагогической дѣятельности я встрѣтилъ не болѣе трехъ педагоговъ въ полномъ и идеальномъ значеніи этого слова. Это были А. Ободовскій (авторъ Руководства къ педагогикѣ и дидактикѣ), мой первоначальный наставникъ на педагогическомъ поприщѣ, П. Рѣдкинъ и І. Паульсонъ. Я не упоминаю объ Ушинскомъ; ибо, признавая его выдающимся педагогомъ-теоретикомъ, я не могу того же сказать о его практической педагогической дѣятельности.

Пріискивая для журнала подходящихъ сотрудниковъ, я, наконецъ, вспомнилъ, что въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ существуетъ каѳедра педагогики, занимаемая Н. А. Вышнеградскимъ. Вотъ авто-

ритетное лицо, подумалъ я, статьи котораго несомнѣнно обратятъ вниманіе подписчиковъ на мое изданіе. Я былъ для г. Вышнеградскаго не совсѣмъ чужой человѣкъ: мы съ нимъ неоднократно присутствовали на экзаменахъ въ нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пріемъ его былъ весьма любезный: Николай Алексѣевичъ угостилъ меня даже пивомъ, любимымъ своимъ напиткомъ; но, отнесясь къ моему предпріятію въ нѣсколькихъ сочувственныхъ фразахъ, на которыя онъ, какъ извѣстно, былъ большой мастеръ, онъ на мое приглашеніе сотрудничать далъ довольно уклончивый отвѣтъ. Нужно подумать, сказалъ онъ, извѣщу черезъ недѣлю о моемъ рѣшеніи. Однакожъ прошла недѣля, и отвѣта не послѣдовало. Между тѣмъ я узналъ, что г. Вышнеградскій вошелъ съ прошеніемъ въ Главное Управленіе цензуры о разрѣшеніи ему изданія Русскаго Педагогическаго Вѣстника; мое же прошеніе объ изданіи Журнала для Воспитанія поступило въ это вѣдомство нѣсколькими недѣлями ранѣе.

Никогда не могъ я объяснить себѣ, что̀ могло заставить Вышнеградскаго, не привыкшаго къ усидчивому труду, занятаго службой въ 2-хъ или 3-хъ учебныхъ заведеніяхъ, человѣка не обладавшаго необходимыми для начала дѣла матеріальными средствами, выступить моимъ конкурентомъ въ предпріятіи, которое въ то время не обѣщало какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Но, какъ показали время и сравнительный успѣхъ моего изданія, конкуренція Вышнеградскаго оказалась для меня неопасною. Для библіографа можетъ оказаться небезъинтереснымъ слѣдующій отзывъ о Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ г-на Вышнеградскаго, не смотря на громкія объявленія, очень незавиденъ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣятельность котораго нѣсколько заплыла жиромъ [1]). Вялость и скука свили себѣ, кажется, прочное гнѣздо въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ г-на Вышнеградскаго» (Современникъ 1857, Сентябрь) [2]).

Продолжаю характеристику педагогическихъ дѣятелей того времени. Вслѣдъ за напечатаніемъ въ Морскомъ Сборникѣ статей, выдвинувшихъ на передній планъ вопросы разумнаго воспитанія, дотолѣ мало обращавшіе на себя вниманіе большей части Русскаго общества, явились на педагогической аренѣ лица не обладавшія ни теоретической, ни практической подготовкою и провозгласили себя знатоками новаго

[1]) Злой намекъ на объемистую корпуленцію г-на В., принадлежащій, если не ошибаюсь, перу Н. А. Добролюбова, питомца Главнаго Педагогическаго института.

[2]) Подобный же отзывъ о лекціяхъ педагогики Вышнеградскаго приходилось мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ студентовъ, его слушателей.

педагогическаго дѣла. За неимѣніемъ лучшаго, учебное начальство охотно повѣрило ихъ компетентности и рѣшилось имъ поручать даже отвѣтственныя педагогическія должности. Въ видахъ иллюстраціи приведу характеристику такихъ двухъ доморощенныхъ педагоговъ, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться во время изданія моего журнала. Однажды явился ко мнѣ чиновникъ горнаго вѣдомства просить занятій по журналу. Получивъ на мой вопросъ, знаетъ ли онъ Нѣмецкій языкъ, утвердительный отвѣтъ, я поручилъ ему переводъ одной педагогической статьи. Впослѣдствіи оказалось, что довольно посредственный переводъ дѣлался не имъ, а одной общей нашей знакомой, такъ какъ онъ самъ совершенно не зналъ Нѣмецкаго языка. Я убѣжденъ, что только благодаря моему изданію, этотъ quasi - педагогъ впервыя ознакомился съ задачами педагогики, и затѣмъ, вошедъ во вкусъ, рѣшился искать счастія на педагогической карьерѣ. И дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ ему посчастливилось сдѣлаться не только преподавателемъ педагогики въ женскомъ институтѣ, но даже директоромъ Учительской Семинаріи и издать что-то въ родѣ курса дидактики. Кстати приведу отзывъ объ этомъ дилетантѣ-педагогѣ извѣстнаго педагога І. И. Паульсона. Въ своей перепискѣ съ барономъ Н. А. Корфомъ онъ говоритъ: «Вы ожидали отъ N.[1]) больше; а я, какъ уже писалъ вамъ, многаго и не ожидалъ отъ него. Я совершенно согласенъ, что N. обладаетъ прекраснымъ перомъ, но для составленія педагогическаго руководства необходимы преимущественно знаніе и практическій опытъ, а ни того, ни другого у N. нѣтъ. Онъ самъ никогда не обучалъ въ элементарной школѣ и ничего не читалъ объ элементарномъ обученіи [2]), до всего дошелъ своимъ собственнымъ умомъ, да въ Дерптѣ видалъ, какъ другіе обучаютъ... Посмотрите, напр., что онъ нагородилъ въ отдѣлѣ по Русскому языку, а это еще его спеціальность». (Русская Старина 1894 г.).

Не менѣе интересенъ другой педагогъ-дилетантъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться лѣтомъ 1857 г. на Германскомъ учительскомъ съѣздѣ (Allgemeine Deutsche Schulversammlung) въ Гильдесгеймѣ. Это былъ лицеистъ К., protégé министра Головина (также лицеиста), которымъ была возложена на К. спеціальная обязанность ознакомиться за границей съ учебными пособіями и, если не ошибаюсь, даже даны

[1]) Т. е отъ изданнаго имъ курса дидактики.

[2]) Какъ я уже сказалъ, иностранныхъ языковъ г. N не зналъ, а въ Русской педагогической литературѣ того времени существовало только „Руководство къ дидактикѣ“ А. Ободовскаго 1837 г., съ которымъ г. N едва ли былъ знакомъ, такъ какъ это сочиненіе, уже въ 40 годахъ, сдѣлалось библіографической рѣдкостью.

были денежныя средства для ихъ пріобрѣтенія. Я встрѣтился съ этимъ господиномъ въ гостинницѣ, гдѣ обыкновенно собирались члены съѣзда закусить передъ открытіемъ засѣданія, и нашелъ его въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа посреди хорошо позавтракавшаго общества. На видъ это былъ совершенный юнецъ, и потому неудивительно, что одинъ изъ компаніи, угощенной имъ (вѣроятно, на казенныя деньги) усомнился въ томъ, что онъ женатъ. Дабы убѣдить невѣрующаго, К. сталъ доставать обручальное кольцо, которое почему-то носилъ на цѣпочкѣ, на груди подъ сорочкой; при этой манипуляціи неожиданно объявилась привѣшанная къ той же цѣпочкѣ икона, въ ризѣ, величиной $^1/_8$ аршина. Можно себѣ представить тѣ вопросительныя и удивительныя физіономіи иновѣрныхъ свидѣтелей этой неумѣстной откровенности. Мнѣ неизвѣстно, какъ оправдалъ этотъ педагогъ en herbe возложенное на него порученіе и успѣлъ ли составить себѣ видное положеніе на избранномъ имъ поприщѣ; впрочемъ имя его я встрѣчалъ въ журналѣ Семья и Школа Ю. Симашки. Въ запискахъ М. С. Сабининой находимъ мы такую характеристику г. К.: «Хотя очень умный (?), но не имѣлъ той коренастой натуры, которая была удѣломъ его старшихъ братьевъ. Онъ служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія» (Русскій Архивъ 1900 г., кн. 4).

Желая ознакомить читателей съ генезисомъ нашей современной педагогической журналистики, я долженъ вновь обратиться къ личности Н. А. Вышнеградскаго. Въ концѣ перваго года изданія моего журнала, является ко мнѣ г. профессоръ въ одинъ, конечно, непрекрасный для него день, съ удивительнымъ предложеніемъ, не согласишусь ли я соединить наши изданія въ одно. Объясненіемъ такого неожиданнаго марьяжа (убѣждалъ онъ меня) могутъ послужить для читателей самыя названія нашихъ журналовъ: мы назовемъ наше общее изданіе «Педагогическимъ Вѣстникомъ, журналомъ для родителей и наставниковъ» *). Мысль, признаться, довольно ловкая, но нисколько для меня не убѣдительная. Журналъ для Воспитанія, сливаясь съ Педагогическимъ Вѣстникомъ, тѣмъ самымъ какъ бы долженъ былъ признать либо свою нравственную, либо матеріальную несостоятельность, сознаться, что ему необходимо подкрѣпить свои слабыя силы силами журнала г. Вышнеградскаго, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно наоборотъ: мое изданіе имѣло до 1000 подписчиковъ, а Педагогическій Вѣстникъ не болѣе 300. Я нашелъ излишнимъ убѣждать г. Вышнеградскаго въ неосновательности

*) Мой журналъ носилъ названіе „Журналъ для воспитанія, руководство для родителей и наставниковъ“.

его доводовъ и отдѣлался отъ него его же фразою, услышанной мною, когда я приглашалъ его сдѣлаться моимъ сотрудникомъ: подумаю и черезъ двѣ недѣли дамъ вамъ отвѣтъ. Но думать было не о чемъ: я отплатилъ ему его же монетою. Вслѣдъ затѣмъ Педагогическій Вѣстникъ, перемѣнивъ трехъ редакторовъ, черезъ 3 или 4 года совершенно исчезъ съ горизонта педагогической журналистики.

Вотъ при такихъ-то аспектахъ, при господствовавшемъ въ кружкахъ наставниковъ юношества равнодушіи къ задачамъ раціональнаго воспитанія, нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ, подъ силу ли будетъ мнѣ принимаемая на себя отвѣтственная задача—удовлетворить всѣмъ условіямъ спеціальнаго педагогическаго изданія. Надо было обладать большимъ самомнѣніемъ, чтобы рѣшиться угощать читателя только одними произведеніями собственнаго пера. Было ли на это довольно досуга и необходимаго душевнаго спокойствія, такъ какъ по ограниченности матеріальныхъ средствъ приходилось нести на себѣ всю черную работу изданія какъ-то: хлопоты по типографіи, корректурѣ, съ газетной экспедиціей, почтой, кореспонденцію съ сотрудниками и борьбу съ цензорами? Все это въ то время лежало тяжелымъ бременемъ на плечахъ редактора-издателя, который не имѣлъ возможности содержать контору съ секретаремъ, корректоромъ и прочими атрибутами періодическихъ изданій въ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Конечно нравственная помощь, обѣщанная мнѣ Рѣдкинымъ и Ушинскимъ, имѣла для моего изданія большое значеніе, но сотрудничество этихъ авторитетныхъ лицъ было ограничено ихъ служебными обязанностями. К. Д. Ушинскій даже не жилъ въ Петербургѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ условій, редактору, для облегченія своего труда, на первыхъ порахъ ничего болѣе не оставалось какъ возложить надежды на богатую педагогическую литературу Запада, преимущественно Нѣмецкую. И долженъ я покаяться, что въ первые три года изданія мой журналъ черпалъ изъ этого источника довольно щедрою рукой. Но, спрашиваю: какая изъ научныхъ дисциплинъ, въ младенческую пору своего развитія, не шла у насъ тѣмъ же путемъ? Впрочемъ современная критика, имѣвшая полное основаніе упрекать мое изданіе въ отсутствіи въ немъ національныхъ основъ и пристрастіи къ Нѣмцамъ, повидимому, вовсе не замѣчала этихъ заимствованій или только щадила Журналъ для Воспитанія и направляла свои стрѣлы исключительно въ другую сторону. Такъ, напр., «Учитель» гг. Паульсона и Весселя, защищаясь отъ германофильства, возражалъ: «Журналъ для Воспитанія, Чумикова, Педагогическій Вѣстникъ Гурьева и Журналъ М. Н. Просвѣщенія, еще до выхода въ свѣтъ нашего изданія, распро-

страняли туже Германскую педагогику, и, сколько намъ извѣстно, никто за это не обвинялъ ихъ въ пристрастіи къ Нѣмцамъ.... Полагаемъ, главная причина къ тому та, что упомянутые журналы назначены преимущественно для наставниковъ среднихъ учебныхъ заведеній да и по цѣнѣ доступны только людямъ зажиточнымъ и слѣдовательно, болѣе образованнымъ. Въ этой средѣ, думаютъ, Русскаго національнаго элемента нѣтъ, или почти нѣтъ: вліяніе иностранное потому не можетъ повредить имъ; да и не мѣшаетъ этой средѣ знать, что̀ дѣлается въ другихъ странахъ (по части педагогики) для образованнаго класса людей». Оправдываясь въ германофильствѣ и отсутствіи національнаго элемента, «Учителю» слѣдовало бы, по моему мнѣнію, обратиться къ своему строгому критику съ вопросомъ: гдѣ было Русскимъ дѣятелямъ педагогической науки искать въ ту пору образцовъ національнаго воспитанія, не въ Яснополянскихъ ли школахъ, эфемерное существованіе которыхъ не оставило послѣ себя ни малѣйшаго слѣда? Приступая къ изданію журнала, я руководствовался убѣжденіемъ, что прежде чѣмъ начать воздвигать новое зданіе, необходимо позаботиться о необходимыхъ для него матеріалахъ. Вотъ этихъ-то матеріаловъ для созиданія *Русской національной* педагогики въ описываемое время или вовсе не существовало, или они не умѣли пока себя заявить. Надлежало предварительно ознакомить наше общество съ пропедевтикою педагогики, пройти подготовительную школу этой науки. Такой школою могла быть только западная педагогическая литература, дотолѣ почти совершенная terra incognita какъ для родителей, такъ и нашихъ офиціальныхъ педагоговъ. Принявъ на себя задачу подготовить моимъ журналомъ, насколько было силъ и умѣнья, почву для плодотворнаго произрастанія на ней и выработки Русскихъ началъ воспитанія, я, послѣ семилѣтней утомительной дѣятельности, разочарованный равнодушіемъ общества, сложилъ оружіе, предоставивъ болѣе молодымъ силамъ дополнять и совершенствовать начатое мною дѣло. Какой оцѣнкѣ ни подвергалась бы моя журнальная дѣятельность со стороны будущаго историка Русской педагогической литературы, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ не упомянуть обо мнѣ какъ объ «основателѣ современной педагогической журналистики», атрибутъ присвоенный мнѣ журналомъ Народная Школа, подъ редакціей Ф. М. Мѣдникова (1877 г. № 5.).

Обращаясь къ кратковременному участію П. Г. Рѣдкина въ моемъ журналѣ, нельзя не пожалѣть, что напечатанныя въ немъ его статьи *) со стороны журнальныхъ рецензентовъ того времени не

*) Что̀ такое Воспитаніе? (3 статьи). Можно ли и должно ли воспитывать дѣтей? Рецензіи: Исторіи педагогики Фр. Кёрнера. De l'éducation par msgr Dupanloup. Du rôle

были оцѣнены надлежащимъ образомъ. Въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ Корша, напр., появилась на нихъ критика, написанная въ довольно рѣзкомъ тонѣ, извѣстнымъ Московскимъ писателемъ П. Е. Басистовымъ [*]), бывшимъ ученикомъ Рѣдкина. Въ концѣ 50 годовъ, во время нашей Sturm und Drangperiode и преобладанія въ Русской литературѣ обличительнаго элемента, на строго-научныя статьи Рѣдкина, безъ злыхъ и задирательныхъ намековъ на начальство или учрежденіе, наши журнальные критики смотрѣли какъ на нѣчто отсталое, противное духу нетерпѣливо ожидаемыхъ реформъ. Нежеланіе ли Рѣдкина поступиться своими убѣжденіями въ угоду господствовавшему въ литературѣ направленію или что̀ иное, но онъ сталъ все рѣже и рѣже писать статьи педагогическаго содержанія и года черезъ два совершенно прекратилъ свое сотрудничество въ моемъ изданіи. Не смотря на это, наши дружественныя отношенія не только не охладѣли, но еще болѣе окрѣпли въ бесѣдахъ, главнымъ предметомъ которыхъ съ тѣхъ поръ послужило задуманное нами основаніе Педагогическаго Общества.

III.

Основаніе Педагогическихъ Собраній при С.-Петербургской второй гимназіи.

Мысль объ основаніи Педагогическаго Общества, какъ повѣдалъ мнѣ Рѣдкинъ, возникла еще въ бытность его профессоромъ Московскаго университета, среди нѣкоторыхъ его коллегъ. Былъ даже составленъ уставъ для такого общества, но съ уходомъ изъ попечительства сочувствовавшаго этому дѣлу гр. Строганова его инціаторы нашли несвоевременнымъ подымать этотъ вопросъ. Пишущему эти строки думалось, однакоже, что то, что̀ казалось невозможнымъ въ 40 годахъ, могло быть осуществлено въ концѣ 50-хъ. Желая ознакомиться съ Московскимъ проектомъ устава, я, по указанію Рѣдкина, обратился съ просьбою сообщить мнѣ оный къ одному изъ его составителей, лектору Нѣмецкаго языка, Фелькелю. Уставъ былъ составленъ на Нѣмецкимъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что, вѣроятно, и первоначальная мысль объ основаніи Педагогическаго Общества въ Москвѣ возникла въ головѣ этого иностранца, человѣка многосторонне образованнаго.

---

de la famille dans l'éducation en théorie. De l'éducation publique et privée par Th. Barrau. Du rôle de la famille dans l'éducation par m. Prévost-Paradol.

*) Объ отношеніи къ Басистову графа Ростовцова см. мою статью „Мои цензурныя мытарства“ (Русская Старина 1899 г. Сентябрь и Декабрь).

Такъ какъ о возникновеніи Педагогическихъ Собраній впослѣдствіи, въ разное время, въ нашей печати появилось нѣсколько не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній, то, бывъ однимъ изъ его главныхъ учредителей, имѣю я не только право, но и обязанность кое-что въ нихъ исправить и дополнить. Когда я, по поводу одного отчета Педагогическихъ Собраній, напечатаннаго въ «Учителѣ», замѣтилъ его издателю Паульсону объ искаженіи авторомъ отчета нѣкоторыхъ переданныхъ тамъ фактовъ, то Паульсонъ отвѣчалъ мнѣ, что «отчетъ писалъ не онъ, но В., который о фактахъ предшествовавшихъ открытію собраній не могъ ничего знать, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ исторіей Общества лишь съ открытія перваго засѣданія у Рѣдкина. «Я также плохо помню эти факты, писалъ Паульсонъ, и весьма понятно: моя дѣятельность также началась лишь незадолго до открытія перваго засѣданія. Слѣдовательно соотвѣтственное лицо, которое могло что нибудь написать о прелюдіяхъ—это Рѣдкинъ. Но онъ теперь такъ занятъ своимъ профессорствомъ, что даже отказался участвовать у меня въ журналѣ.... Я предлагаю вамъ написать дополненіе къ отчету и исторической запискѣ о «Собраніяхъ». Эти дополненія я съ удовольствіемъ помѣщу въ журналѣ. Кто же лучше васъ можетъ знать, какъ и что было до открытія перваго засѣданія?» Я не нашелъ тогда удобнымъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ Паульсона: пришлось бы выставлять собственныя заслуги, что невозможно было сдѣлать, не уязвивъ самолюбія другихъ лицъ болѣе или менѣе участвовавшихъ въ основаніи Педагогическихъ Собраній....

Мы съ Рѣдкинымъ измѣнили кое-что въ Московскомъ проектѣ, и я сталъ хлопотать объ его утвержденіи подлежащимъ вѣдомствомъ. Прежде всего, желая заручиться ходатайствомъ попечителя Спб. учебнаго округа, обратился я къ князю Щербатову [1]). Сочувственно отнесшись къ учрежденію Педагогическихъ Собраній, попечитель препроводилъ нашъ проектъ въ Главное Правленіе училищъ, но, по своему обыкновенію, не нашелъ нужнымъ входить въ личныя сношенія съ чиновниками министерства, отъ которыхъ зависѣло дать дѣлу ходъ. Вслѣдствіе такой его пассивности нашъ уставъ, какъ я удостовѣрился, преспокойно опочилъ въ столѣ начальника отдѣленія Г. [2]). Вѣроятно утом-

[1]) О моихъ личныхъ отношеніяхъ къ князю Г. А. Щербатову, при которомъ я состоялъ въ должности чиновника особыхъ порученій, см. Русск. Старину 1899 г., кн. 9.

[2]) Я убѣдилъ Рѣдкина, который всегда съ большимъ энтузіазмомъ отзывался о замышляемыхъ кн. Щербатовымъ реформахъ, сдѣлать ему визитъ и замолвить свое вѣское слово въ пользу учрежденія Педагогическихъ Собраній. Рѣдкинъ увѣрялъ меня, что попечитель отнесся къ его ходатайству, сверхъ ожиданія, безъ особаго сочувствія къ вашей затѣѣ.

ленный постоянной и неудачной борьбой съ бюрократизмомъ своего начальства, особенно по отношенію къ университетской реформѣ, князь Щербатовъ въ ту пору уже подумывалъ объ оставленіи своей должности, что̀ дѣйствительно скоро случилось. Преемникомъ его былъ назначенъ И. Д. Деляновъ. Послѣ продолжительной паузы проектъ устава съ нѣкоторыми измѣненіями былъ, наконецъ, полученъ изъ министерства и, исправленный нами по указанію послѣдняго, переданъ новому попечителю. Но на этомъ дѣло и остановилось. Я никакъ не могъ добиться толку, сколько я ни хлопоталъ и ни справлялся въ подлежащихъ вѣдомствахъ, что̀ или кто именно тормозитъ, болѣе года, полезное дѣло. При Норовѣ, министрѣ безъ энергіи и при черезъ чуръ опасливомъ попечителѣ, нельзя было надѣяться на скорое утвержденіе Педагогическаго Общества. Уже самое названіе «общество педагоговъ» пугало блюстителей отечественнаго просвѣщенія. Чтобы пройти всѣ эти Сциллы и Харибды и для успокоенія слишкомъ робкаго начальства, необходимо было придумать какой-либо компромиссъ, нѣчто среднее. При такихъ обстоятельствъ подступилъ я къ И. Д. Делянову, всегда очень любезно помогавшему мнѣ въ моихъ частыхъ столкновеніяхъ съ цензурой, съ аргументами тако города. «Какъ у лица стоящаго во главѣ многихъ учебныхъ заведеній, убѣждалъ я его, главной у васъ заботою, конечно, содѣйствовать ихъ процвѣтанію; но къ этой же цѣли будутъ стремиться и подчиненные вамъ преподаватели, если вы разрѣшите имъ обмѣниваться мыслями въ періодическихъ бесѣдахъ по вопросамъ дидактики и методики. При недостаткѣ у васъ спеціальныхъ педагогическихъ заведеній особенно полезными окажутся эти бесѣды для начинающихъ педагоговъ». Противъ подобныхъ доводовъ трудно, конечно, было возражать; высокообразованный Иванъ Давидовичъ сталъ понемногу сдаваться и, послѣ нѣсколькихъ колебаній, наконецъ согласился, но съ оговоркой, если одинъ изъ директоровъ столичныхъ гимназій согласится подъ своей отвѣтственностію пріютить такія собранія преподавателей въ своемъ заведеніи. Я тотчасъ же указалъ ему на директора 2-ой гимназіи А. С. Воронова, моего близкаго знакомаго со студенческой скамьи, ибо былъ увѣренъ, что тотъ, узнавъ о разрѣшеніи своего начальника, не откажетъ удовлетворить просьбу педагогической братіи. При томъ же 2-ая гимназія представляла еще то удобство, что находится въ центрѣ города. Такимъ образомъ главнѣйшее препятствіе было устранено; теперь только оставалось кликнуть кличъ и собрать воедино разношерстныхъ членовъ будущаго педагогическаго кружка. Такая задача была не изъ легкихъ, такъ какъ мы съ Рѣдкинымъ имѣли въ виду пригласить преподавателей и начальство не только гимназій, но и другихъ учебныхъ заве-

деній. Пришлось мнѣ дѣлать визиты и уговаривать присоединиться къ нашему кружку лицъ дотолѣ мнѣ совершенно назнакомыхъ.

Надо замѣтить, что, еще до полученія согласія попечителя, успѣли мы составить небольшой кружокъ людей сочувствующихъ педагогическому дѣлу, къ которому, при посредствѣ Паульсона, тотчасъ же примкнула группа преподавателей частной гимназіи К. И. Майя. Первое собраніе соединенныхъ кружковъ происходило въ квартирѣ Рѣдкина, 11 Октября 1859 г. Въ немъ участвовали кромѣ хозяина и пишущаго эти строки: І. И. Паульсонъ, А. С. Вороновъ, директоръ 2-ой гимназіи, И. Б. Штейнманъ, проф. и директоръ Петровскаго училища, В. Х. Лемоніусъ, директоръ 3-ей гимназіи, К. И. Май, К. Я. Люгебиль, д-ръ Изенбекъ и Н. Х. Вессель [1]). На этомъ собраніи было рѣшено составить проектъ Педагогическаго Общества и войти съ прошеніемъ о его утвержденіи. Затѣмъ члены кружка продолжали по очереди собираться другъ у друга.

Офиціальное разрѣшеніе для педагогическихъ собраній послѣдовало лишь въ концѣ 1859 г., такъ что первое засѣданіе, въ актовой залѣ 2-ой гимназіи, могло состояться только 9 Января 1860 г. Во второмъ засѣданіи участвовало до 18 лицъ и были избраны предсѣдателемъ собраній Рѣдкинъ, вице-предсѣдателями Штейнманъ и Чумиковъ [2]), секретарями Паульсонъ и Вессель. Положено было просить попечителя И. Д. Делянова принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя, на что онъ и изъявилъ свое согласіе и, помнится мнѣ, въ началѣ, неоднократно присутствовалъ на нашихъ собраніяхъ.

Составленный нашимъ кружкомъ уставъ Педагогическаго Общества утвержденія не получилъ, но въ замѣнъ его вышла изъ министерства (31 Октября 1862 г.) «Инструкція для педагогическихъ собраній въ С.-Петербургѣ».

По переселеніи моемъ, въ концѣ 1860 года, въ Москву, участіе мое въ педагогическихъ собраніяхъ прекратилось и дальнѣйшія свѣдѣнія о его дѣятельности почерпалъ я лишь изъ отчетовъ засѣданій, появлявшихъ въ журналѣ «Учитель».

Въ слѣдующемъ году, находясь случайно въ С.-Петербургѣ въ тотъ моментъ, когда новый министръ народнаго просвѣщенія вступалъ

[1]) Вскорѣ затѣмъ присоединились къ намъ, по моему приглашенію, инспекторъ Училища Правовѣдѣнія О. О. Витте, инспекторъ 2 Кадетскаго Корпуса полковникъ Даниловичъ и преподаватель Артилерійскаго Училища полковникъ П. А. Лавровъ.

[2]) По моемъ выбытіи изъ С.-Петербурга—А. С. Вороновъ.

въ отправленіе своей должности, я, при представленіи ему въ качествѣ чиновника министерства, дозволилъ себѣ обратить вниманіе Головина на необходимость основанія Педагогическаго Общества съ уставомъ и болѣе обширными правами. Мой непрошенный совѣтъ, повидимому, не понравился крайне самолюбивому министру, ибо онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Не смотря на то, въ скоромъ времени, послѣдовало утвержденіе «Педагогическаго Общества».

Въ 1873 г., прибывъ въ Петербургъ изъ Москвы, я поинтересовался въ одну изъ Субботъ заглянуть на мое любимое дѣтище и отправился во 2-ую гимназію на засѣданіе Педагогическаго Общества. Въ началѣ меня пріятно удивила многочисленность собранія, но вскорѣ пришлось разчароваться и убѣдиться въ томъ, что не интересы науки воспитанія, а что-то иное привлекло пеструю толпу присутствующихъ. Такъ, во время чтенія рефератовъ, въ аудиторіи не умолкалъ шумъ отъ разговора; во время перерыва, особы прекраснаго пола, большая часть изъ нихъ стриженныя, съ папиросами во рту разгуливали по коридорамъ въ бесѣдѣ съ пріятными кавалерами. Словомъ, я нашелъ полнѣйшее вырожденіе первоначальныхъ педагогическихъ собраній. Что это не было лишь мое личное пессимистическое сужденіе, о томъ свидѣтельствуютъ, напр. слѣдующіе печатные отзывы. Извѣстный Б. Назарьевъ, писалъ: «Неумолкаемо звенѣлъ колокольчикъ предсѣдателя, но никто уже не обращалъ на него вниманія». (Вѣстн. Европы 1898 г. кн. 4). Не менѣе строго отнесся къ безпорядкамъ, постепенно вкравшимся въ засѣданія Педагогическаго Общества, А. Овсянниковъ. «Въ засѣданіяхъ общества, говоритъ онъ, не было равномѣрности, благонравія и тишины». (Русск. Старина 1900 г. кн. I). Дѣйствительно положеніе почтеннѣйшаго предсѣдателя, страдавшаго въ то время крайней близорукостію, возбуждало состраданіе: тщетно надсаждался онъ, дабы водворить хотя кое-какой порядокъ въ аудиторіи. Къ сожалѣнію мы привыкли подчиняться только палкѣ начальника, но не правиламъ порядка, установленнымъ для общественныхъ совѣщаній; мы не хотимъ понять ту простую истину, что хоромъ хорошо пѣть, но не говорить. Ораторъ, прерывающій другихъ, какъ будто желаетъ слушать только собственную рѣчь; онъ какъ бы не заботится даже о томъ, могутъ ли слова его среди безпорядочныхъ возраженій произвести на слушателей желанное впечатлѣніе. При подобныхъ сценахъ мнѣ всегда приходило на память одно бурное засѣданіе въ залѣ Пассажа, окончившееся извѣстными словами его предсѣдателя Е. И. Ламанскаго: «Мы не созрѣли».

Возвратясь въ Москву подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго о порядкахъ въ Педагогическомъ Обществѣ, порядкахъ, которые, по всей вѣроятности, и повлекли за собой послѣдовавшееся въ скоромъ времени его закрытіе, я не могъ удержаться, чтобы не высказать Рѣдкину мое сѣтованіе объ упадкѣ общества. Изъ дружбы къ нему, дорожа его доброй славой, я позволилъ себѣ посовѣтовать ему, во избѣжаніе какого-либо скандала и непріятности, заблаговременно отказаться отъ предсѣдательства. Мой благонамѣренный совѣтъ, повидимому, непріятно затронулъ самолюбіе моего уважаемаго друга, и въ концѣ того же 1873 г. я получилъ на мое письмо такую отповѣдь. «Спѣшу успокоить васъ за дорогое вамъ Педагогическое Общество. Хотя въ продолженіе его существованія, тринадцатилѣтняго, произошелъ въ немъ всего одинъ скандалъ, а не скандалы, какъ дошли до васъ слухи *), и хотя и этотъ единственный скандалъ произошелъ подъ предсѣдательствомъ не моимъ, а А. С. Воронова, за отсутствіемъ моимъ по болѣзни; но тѣмъ не менѣе я предупредилъ ваше желаніе и немедленно созвалъ въ экстренное собраніе однихъ членовъ для составленія строгихъ правилъ насчетъ посѣщенія гостей. Эти правила были обсуждены совѣтомъ, а потомъ общимъ собраніемъ и теперь строго будутъ проводиться въ дѣйствіе. За симъ нѣтъ надобности въ измѣненіи устава, тѣмъ болѣе, что его статьи предписываютъ именно то, что̀ вы предполагаете. Но, къ сожалѣнію, эти статьи не всегда были исполняемы нѣкоторыми членами. Теперь же, надѣюсь, отступленія отъ нихъ не дозволятъ себѣ члены, послѣ того какъ сами же они согласились установить такія правила, которыя не давали бы возможности никакъ не отступать отъ устава. Мнѣ очень утѣшительно думать, что вы, какъ одинъ изъ главныхъ учредителей педагогическихъ собраній, и вдали не забываете о немъ, какъ и оно, конечно, не можетъ забыть васъ».

Въ этихъ строкахъ такъ и слышится оптимизмъ идеалистовъ 40 годовъ, полагавшихъ, что стоитъ только написать хорошій уставъ, и все пойдетъ какъ по писанному. Но если гдѣ, такъ это именно у насъ, не слѣдовало бы забывать того, что не столько учрежденія создаютъ людей, какъ люди создаютъ учрежденія, not measure, but men, и что послѣднія держатся первыми. Ежели въ продолженіе 13 лѣтъ не существовало правилъ для поддержанія порядка въ собраніяхъ педагоговъ и сами члены общества позволяли себѣ нарушать статьи устава,

*) Сколько помнится, я писалъ къ Рѣдкину о скандалахъ, которые могутъ произойти во всякомъ собраніи при безконтрольномъ допущеніи въ него постороннихъ лицъ.

то можно ли было ожидать отъ вновь установленныхъ правилъ болѣе успѣшнаго воздѣйствія, какъ бы они строги ни были? Что, не смотря на эти строгія мѣры собранія Педагогическаго Общества не освободились отъ водворившейся въ нихъ распущенности, придавшей имъ характеръ клуба, но не собранія людей съ серьезными задачами, о томъ свидѣтельствуетъ скоро затѣмъ появившееся высочайшее повелѣніе о закрытіи Общества.

Впрочемъ Рѣдкинъ, какъ бы предугадывая угрожавшую Обществу катастрофу, въ виду рѣшительной невозможности сдерживать выходящія изъ всякихъ границъ выходки ораторовъ изъ числа званныхъ и незванныхъ посѣтителей педагогическихъ собраній, а можетъ статься и по инымъ соображеніямъ, еще за годъ до закрытія Общества отказался отъ предсѣдательской должности.

Насколько туго прививалось у насъ понятіе о пользѣ педагогическихъ обществъ, о томъ свидѣтельствуютъ также мои неудачныя попытки основать таковое въ Москвѣ. Переселившись, какъ я уже сказалъ, въ Бѣлокаменную въ концѣ 1860 г., я, при первомъ моемъ свиданіи съ попечителемъ учебнаго округа Н. В. Исаковымъ, пытался узнать его мысли относительно основанія педагогическихъ собраній въ Москвѣ. Выслушавъ, какъ показалось мнѣ, съ большимъ интересомъ все, что я считалъ нужнымъ сказать о пользѣ педагогическихъ обществъ, онъ, по обыкновенію сдержанный на слова, ничего положительнаго относительно моего предложенія не сказалъ.

Нѣсколько позже, приглашенный, въ числѣ прочихъ редакторовъ, по одному необыкновенному поводу на совѣщаніе къ М. Н. Каткову, я, пользуясь случаемъ, обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ П. М. Леонтьеву, надѣясь найти въ будущихъ основателяхъ Лицея болѣе сочувствія къ моей завѣтной идеѣ. Но мои горячія убѣжденія, сверхъ ожиданія, были выслушаны съ полнѣйшимъ равнодушіемъ этимъ alter ego Каткова. Впрочемъ понятно, что Леонтьеву, имѣвшему обыкновеніе просиживать за редакціей газеты цѣлую ночь до 3 часовъ утра, было тогда не до педагогики.

Въ 1863 г., я передалъ мой Журналъ для Воспитанія въ другія руки. Мое пошатнувшееся здоровье побудило меня отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Я рѣшился заняться сельскимъ хозяйствомъ.